

БУДУЩЕЕ В ПРОШЕДШЕМ

Повесть

Часть первая

1. ГАЛЯ

Во дворе выгружали новое оборудование. Рабочие как-то очень неловко и даже небрежно выносили из фургона коробки и плюхали их на пол в коридоре, перед кабинетом начальницы. Сама она, расстегнув верхнюю пуговицу блузки и почесывая крашеным ногтем вспотевшую шею, вяло руководила процессом:

— Ребята, вы бы хоть поаккуратнее... Это вам не мешки с картошкой!

Рабочие тяжело дышали и молча кивали на замечания, а начальница провожала взглядом каждую коробку, словно хотела поймать и положить аккуратнее, по-матерински. При этом она размахивала руками и была похожа на начинающего дирижера.

— Галина Сергевна, вы уже расписались в акте приемки?

— Расписалась... Где еще? Здесь, что ли?

У младшего научного сотрудника Даши был детский звонкий голос. Ей бы мультики озвучивать с какими-нибудь белочками, лисичками и заблудившимися девочками... Такое ощущение, будто она свалилась сюда из совершенно другой эпохи — с громкими мажорными песнями, активистами-комсомольцами, бесцветными фильмами, в которых девичьи голоса сливаются с оглушительной фоновой музыкой... Бегают себе по коридору мимо белых облупившихся дверей, постукивает каблучками — чем не кадр из советского кино о честных тружениках. Как будто заблудилась Даша, вышла случайно из поезда не на той станции — и оказалась в этом городе, где вот уже больше года мелькает ее стройная фигурка.

— Га-аль, плювиографов должно быть два, что ли? У нас ведь один всегда был...

Из-за двери соседней комнаты высунулась Неля — растрепанная от жары, с взъерошенными прядями крашеных желтых волос, прилипших к мокрому лбу. Давняя помощница, почти подруга, незлобивая такая, только немного назойливая. Старший научный сотрудник.

— Зачем нам два? Я один просила и с департаментом один согласовывала. Второй — это, наверное, на другую станцию, сейчас по всей области оборудование меняют.

— Так что писать-то? Отказ? — не унималась Неля.

— Зачем отказ? Напиши, что один плювиограф лишний, что мы просим проверить, кому он предназначен. Вдруг нам решили сделать подарок...

Неля снова исчезла за дверным проемом. Она сегодня с самого утра составляла, проверяла и перепроверяла все описи, соображая в этом лучше других. Старший научный сотрудник все-таки. Она тоже осталась в другой эпохе — где-то на рубеже восьмидесятых и девяностых. Тогда повсюду сновали вот такие дамы — среднего возраста, с тонкими длинными носами, в широких очках и со светлыми, вытравленными перекисью волосами. Они отлично знали, куда и когда занимать очередь, почему нынче рыба и где достать билеты на юг — так, чтобы не у туалета и не третья багажная полка...

— Га-аль, а гигрометра мы оба старых списываем? — снова высунулась Неля.

— Зачем оба? Я же сказала, что один пока оставим. Мало ли... эти цифровые сломаются — что тогда будем делать?

— Логично... — и опять скрылась.

В коридоре снова раздался стук Дашиных каблучков.

— Галина Сергеевна, представляете, уже тридцать шесть целых и четыре десятых! — Даша мяла в руках журнал с показаниями. Кажется, ей нравилось это пекло, как будто она каждый день делала новые ставки — и температура дотягивалась до них, устанавливая новые и новые рекорды.

— Примерно этих значений я и ожидала. А завтра не исключены и все тридцать восемь, — ответила начальница и вздернула брови, делая большие глаза.

— Да мы уже и сорока не удивимся, — небрежно сказала невидимая Неля.

— Сорока не обещаю, а вот тридцать восемь — запросто. У меня в огороде вся малина посохла. И смородина тоже. Чувствую, собирать будет нечего. Там прямые солнечные лучи.

— Такого точно не было с семьдесят второго года!

— Было, Неля. Ты просто не помнишь, наверное.

— Как это я не помню, Галь? — снова из-за двери вынырнула вспотевшая физиономия в широких очках. — Разве что в девяносто третьем, но тогда всего-то пару дней были очень жаркими, а все лето, в общем-то, так себе, даже ниже нормы...

— Вот именно. Лето было нежарким, пекло только два дня в июне. Девятнадцатого как раз родился Степка — что ж я, не помню, какая духота в роддоме стояла?

Галина Сергеевна сложила руки и крепко прижала их к груди — наверное, эта поза могла быть иллюстрацией к выражению «взять себя в руки». Еще раз почесав вспотевшую шею, она зашла в свой кабинет. Правда, кабинетом отгороженный закуток со столом и компьютером назвать было сложно — так, застенок: узкое окно, настольная лампа с пружиной. За спиной, над стулом — карта барических полей для европейской части России, старая. По-хорошему, сменить бы ее — полюса ведь смещаются. Северный стремительно спускается к Сибири — со скоростью 40 километров в год. Планета сходит с ума... Эту фразу Галя в последнее время повторяла чуть ли не каждый день. Вот, пожалуйста! Сводная таблица среднесуточных температур за первую половину июля: от двадцати трех до двадцати девяти градусов. Двадцать девять по Цельсию в начале пятого утра на широте пятьдесят семь! В Дели почти столько же. И тенденция пока по возрастающей...

По телевизору все время говорят: блокирующий антициклон. Это словосочетание, кажется, уже выучила вся страна. Вот он, на мониторе компьютера! Ярко-красная подкова, протянувшаяся от Питера через Черноземье и Поволжье к самому северу Урала. Когда в последний раз в Воркуте было +32 в тени?

В кабинет заглянул рабочий и аккуратно постучал по косяку, проявляя мужицкую вежливость. Галя вскинула на него глаза.

— Хозяйка, у нас все!

— Все, да? Давайте, где тут надо расписаться?..

Они уехали и оставили в коридоре гору коробок. Устанавливать оборудование начнут завтра, и это займет несколько дней. Галине Сергеевне, видимо, придется самой несколько раз выйти в ночь, чтобы помочь девочкам со всеми показаниями, когда будут менять приборы. Даша-то справится, Неля тоже, а вот Карина... С ней предстоит серьезный разговор. Работает она, мягко говоря, спустя рукава. Данные снимает неаккуратно, заносит не в те таблицы. Позавчера, в свою смену, перепутала давление с влажностью — это вообще ребячество какое-то! Здесь не урок природоведения, в конце концов. По-хорошему, Карину стоит признать профнепригодной, хотя надежды она вначале подавала. Но заменить-то ее кем? Кто пойдет работать на зарплату в пять тысяч? Да и где взять толкового сотрудника, если на весь город метеорологов едва хватает? Это же не Питер и не Москва, и даже не Тверь. А распределение давно отменили...

Слабенький вентилятор работал на полную мощность, но воздух оставался неподвижным, словно горячий клестер. Обычно поддувает с озера, но сейчас и оно, кажется, готово закипеть, как суп в большом чане. На грязных заплыванных берегах, между обломанными кустами белеют тела купающихся. Их, пожалуй, не меньше, чем в Сочи — и уезжать никуда не надо. Вода здесь даже теплее будет, чем морская. Километров на двести южнее, вернее, юго-восточнее, жара, может быть, переносится немного легче. Там широкие и некогда заселенные низины залила вода Иваньковского водохранилища — Московского моря. В обычные лета в этой зоне чаще бывают дожди, и порой в Твери льет не хуже, чем в Питере. Впрочем, вот она, Тверь, в правом нижнем углу монитора. Рядом светится значение +35,4 — все-таки на градус ниже.

Галя крутанула колесико на мышке и подняла карту на север. Более спокойный, желтый цвет появлялся только в Карелии, а в районе Мурманска даже переходил в зеленый. Там было плюс девятнадцать, но воздуха из Арктики в ближайшее время ждать не следует: ветры дуют на восток, унося прохладу в Сибирь. На западе тоже ничего ободряющего — над Скандинавией и Балтикой толкутся два циклона: один над югом Норвегии, другой — ближе к Латвии, но оба такие слабенькие, что второй и до Питера вряд ли дотянет — в лучшем случае немного помочит Таллин.

Шея все чесалась и чесалась. Пора было уходить — сегодня нужно пораньше вернуться домой, но Галя пыталась об этом не вспоминать и все крутила и крутила колесико мышки, забираясь на синие просторы Ледовитого океана. Там вечная зима, ее никакой блокирующий антициклон не растопит: плюс один... ноль...

минус один. Оказаться бы сейчас на Земле Франца-Иосифа, чтобы не чесать шею, не пить воду литрами, не ехать домой...

2. СТЕПКА

Проводница аккуратно тронула Степку за плечо и прошла дальше, мимо человеческих фигур, складывающих мягкие простыни и забрасывающих на верхнюю полку скрученные матрасы. В окно бил солнечный свет, такой яркий, какой, наверное, бывает в фильмах про инопланетян, неожиданно появляющихся на темной лесной поляне. Волынка крепко спала, подложив под подушку руки. У нее было спокойное, почти счастливое выражение лица. Такое иногда бывало в детстве: проснешься — и тебя не покидает ощущение, что произошло что-то очень хорошее... ну, к примеру, папа вчера вернулся из дальнего рейса и привез в подарок серебристые наручные часы. Вот они, часы, показывают точное московское время: половина шестого. А вот оно, счастье, напоминающее о себе с первых минут дня; или, наоборот, несчастье — хрен его знает.

Полежав еще пару минут и рассмотрев в мельчайших деталях Волынкино лицо — длинные ресницы и жесткие, спадающие на лоб волосы, — Степка приблизился и поцеловал ее в губы, — как ночью, перед сном (кажется, это было всего несколько минут назад). Волынка замычала и открыла глаза. После этого запустила руку в Степкины густые рыжие волосы и копошилась в них, спускаясь то к уху, то к затылку. Она казалась спокойной и отдохнувшей, в отличие от Иры, которая всегда просыпалась с таким выражением лица, будто во сне проглотила лягушку.

— Хочу крепкого кофе, — сонно сказала Волынка.

— Хрен тебе крепкого кофе! Тут разве что растворимая бодяга за чирик.

— Знаю, поэтому мы первым делом пойдем пить кофе. Есть одно шикарное место на Чистых прудах. Круглосуточное.

— Молодые люди, через двадцать минут прибываем! — заорала над ухом невесть откуда взявшаяся проводница. — Постель сдаем быстренько!

За окном уже виднелись московские многоэтажки. Утреннее солнце отражалось в их окнах, цвет у них был почти такой же, как вчера вечером, на проспекте с трамваями и мостом через реку. В детстве, когда говорили «московский поезд», Степка представлял себе примерно такую картину: еще пустые летние улицы ранним утром и солнечные лучи, освещающие фасад какой-нибудь высотки, как на фотографии из старой детской энциклопедии.

Жара уже начинала захватывать каменно-асфальтовые кварталы, наполняя собой каждый кубический сантиметр воздуха. Попадались прохожие в кепках и сомбреро.

— Как в Крыму, — зевнула Волынка, крепко держа Степку за руку.

Он нес ее походный рюкзак, она — его, где, кроме так и не пригодившегося справочника по алгебре, ничего тяжелого не было. Они поднимались вверх по относительно пустынной улице, проходя мимо замызганных витрин и неказистых зданий, прикрытых, как вуалью, пыльными фасадными сетками. Из-за каменного угла неожиданно высунулся пышный куст сирени, какая-то птица спорхнула с тонкой ветки, и та качнулась с легким шуршанием.

Степке представлялся даже не Крым, где он никогда не был, а какая-нибудь Бразилия, например, город Итабира, названия которого он никак не мог запомнить, «А ведь это важный центр металлургии, — говорила географичка, — рядом расположено месторождение железной руды, одно из самых крупных в Южной Америке». И вот они идут вдвоем с Волынкой, как шахтеры Итабiry, пыльные и потные, только сомбреро не хватает.

— А я Москву люблю, — Волынка открыла крышку высокого пластикового стакана и отхлебнула пенистого капучино. — Каждый раз, когда приезжаю сюда, забываю обо всех, кого не хочу видеть.

— Для этого не обязательно ехать в Москву. Сюда все прутся, как будто тут медом намазано...

— Ты сейчас брюзжишь как какой-нибудь эстетствующий петербуржец.

— А почему бы и нет?

— Да я уже поняла, что ты только и бредишь Питером. Знала я таких, ничем хорошим это не кончилось...

— Почему?

— Вот уж не знаю...

У нее завибрировал телефон — кто-то прислал sms. Она молча прочитала и с равнодушным видом отложила телефон в сторону. Они говорили о чем угодно, но все не о том. Волынка выглядела американской туристкой, забежавшей между делом перекусить. Есть ведь люди, у которых в жизни все так легко: вчера ныряют в Волгу, сегодня пьют кофе в Москве, завтра валяются на пляже в Крыму... А у Степки мать вечно занята какими-то проблемами — пылесос сломался, голова разболелась, оборудование меняют на этой ее метеостанции... Интересно, они с отцом тоже вот так распивали кофе в привокзальном буфете? На старых надломленных фотографиях, вложенных за пыльные стекла стеллажных полок, мать кокетливо улыбалась, но в этом кокетстве